

Ситуация в Италии (Партии Прошлого и Народная Революция)

Альберто Туччи, Михаил Бакунин

октябрь 1866

Оглавление

СИТУАЦИЯ В ИТАЛИИ	4
1. Политическая ситуация после Рисорджименто. Конституционалисты и республиканцы	5
2. Народная Революция и ее враги	14

Октябрь 1866. Неаполь, Италия.

Из: Амстердам, IISG, Archives Bakunin. Опубликовано архивом по отдельному листу. Текст составлен Альберто Туччи и отредактирован Бакуниным. Название – «Ситуация в Италии» или более буквально «Итальянская ситуация» (*La Situation Italienne*). Весь этот огромный текст в оригинале умещается на две страницы. Стоит полагать, что он представляет собой два больших плаката.

Текст сначала рассказывает о двух господствующих партиях тогдашней Италии – либералах-конституционалистах (монархистах) и революционных республиканцах Гарибальди или Мадзини. От критики их позиций автор переходит к критике текущего положения, унитарного деспотического государства и капиталистической экономики, а от этой критики к краткому изложению идей социалистов-федералистов. Текст разделен на две части, в первой излагается недавняя история Италии и идеи господствующих тогда в Италии партий, а во второй критика существующего строя и народная альтернатива. Разделение составлено публикатором, как и текст, заключенный в скобки в названии "Партии Прошлого и Народная Революция".

СИТУАЦИЯ В ИТАЛИИ

1. Политическая ситуация после Рисорджименто. Конституционалисты и республиканцы

Италия в текущий час находится в печальном и опасном состоянии. Все напуганы мрачными перспективами настоящего и еще больше – страшной неопределенностью будущего. В условиях стольких сомнений и страхов каждый ищет у других совета и поддержки, чтобы укрепить свои собственные мнения.

Поэтому мы считаем своим долгом, в меру своих возможностей, принести нашими словами свет во тьму, в которой мы блуждаем, тем более что наши слова не являются отголоском интересов какой-либо касты или отдельной группы, а являются плодом истины и вдохновлены справедливостью.

Чтобы облегчить путь, по которому мы собираемся идти, нам необходимо кратко вернуться к наиболее важным событиям, произошедшим в этой части века.

Вслед за карбонарством, который всегда соответствовал местным потребностям и чаяниям, возродился национальный дух, до того почти угасший, а вместе с ним – уверенное и очень эффективное движение и действие. Так сформировалось поколение сильных умов и героических сердец, которое с разным успехом боролось за программу исторического величия Италии, *воссоединившейся* в качестве государства. Это единство было основой и целью двух партий: *унитарной республиканской* партии и *унитарной конституционной* партии. Первая утверждала *Бога и Народ*, а следовательно, единство Бога в единстве религиозной веры, единство Народа в *объединенном* отечестве, то есть в централизации национальной жизни, которая составляет единство государства, в поддержании привилегированного общества, которое составляет социальное единство, плодом этого единства было величие Италии и ее главенство в Европе, которым все было принесено в жертву, начиная со свободы и благосостояния итальянцев.

Вторая, конституционная партия, громко провозглашала *Италию и Виктора Эммануила*, но Италию, ставшую унитарной монархией, обретающую силу в единстве, свободу в парламентаризме, в монархии – связь между национальной унитарной революцией и дипломатией, в парламенте – защиту прав революции. Одни, предлагая в качестве единственной и высшей цели величие страны, отвергали свободу народа, свободу мысли и социальную справедливость. Другие, выбирая в качестве средства и предлога то же самое национальное величие, отвергали все: народ и страну, свободу и справедливость. Все они, по-разному ослепленные своими многочисленными амбициями, не принимали во внимание уроки неумолимого учителя – логики, суровой логики фактов, которая привела их туда, где они находятся сегодня, а также партии и страну.

Несмотря на это, во всех движениях, которые всколыхнули Полуостров, республиканцы и конституционалисты говорили народу: давайте объединимся, и вы получите свободу труда и хлеб в изобилии. Они призывали молодежь: давайте объединим сто славных городов Италии в *одно* могущественное государство, и ваша жажда свободы будет удовлетворена. Они навязали всем жертвенность, религию долга и пообещали в награду за такую веру *Единство Италии*, из которого должны были родиться слава, свобода и процветание Нации.

С 1859 года к власти пришли конституционалисты, доминировавшие тогда. И с тех пор произошла длинная череда событий, о которых всем известно и которые привели к *объединению Государства*, с монархией Савойского Дома и парламентской системой.

Сегодня пришло время спросить себя: «где мы находимся? Настал ли момент спросить монархию, для чего были нужны те бесчисленные и чрезмерные жертвы, которые она навязала нам?».

Ответ прост, но болезненен.

Во имя единства, причины и смысла своего существования, монархия продала Ниццу и Савойю Французской Империи, отказалась от Рима по сентябрьской конвенции и угрожает неминуемыми переговорами о других итальянских землях.

Монархия, которая навязала себя стране и попирала ее во имя итальянского величия и славы, которые она должна была отстаивать, монархия, которая располагала 400.000 воинов для отвоевания короны Велизария¹, позволила 150.000 иностранцам разгромить своих 400.000 храбрых воинов. Она купила железную корону за золото; она получила в качестве милостыни от другого иностранца итальянские земли, за которые она вышла на поле битвы, и отдала под власть Австрии другие итальянские земли между Брентой и Тальяменто², а также 350.000 солдат. И все же что не сделала Нация? Ей сказали: «мы уступили Ниццу и Савойю, потому что, будучи слабыми, мы были вынуждены принять и оплатить французскую помощь; чтобы быть сильными, нужны деньги и люди». И Нация дала и людей, и деньги. Она отдала глаза своей головы, кровь своего сердца. Двадцать два миллиона человек за шесть лет заплатили 9 миллиардов и дали 700.000 солдат Монархии, а та, имея эти 9 миллиардов и 700.000 солдат, трусливо подчинилась антиунитарной³ воле иностранного деспота. Она перенесла позор постоянных пощечин со стороны европейской дипломатии. Она имела дело с *папством*, отрицанием цивилизации, бичом человечества, и признала его право разъедать сердце Италии. Она потерпела поражение на суше и на море. Наконец, пожертвовав всем, она потеряла все: *славу, достоинство, честь!*

Но это еще не все. Из этого вытекли новые, еще более катастрофические бедствия: роковой вооруженный мир, почти полная уверенность в войне из-за династических и иностранных интересов, полное поглощение личности и ее имущества в пользу государства, неизбежное банкротство финансов и, наконец, логическое следствие и единственный легкий выход – замена нынешних либеральных форм правления правительством сабли в осажденных государствах.

¹ Консул Восточной Римской Империи, пытавшийся изгнать готов из Италии в VI веке нашей эры.

² Реки, который между которыми находится историческая венецианская область.

³ То есть направленной против объединения Италии.

Как и почему мы дошли до такого несчастья и как нам из него выбраться?

Каждая партия возлагает всю вину на других.

Легитимисты старых государств Полуострова обвиняют *объединение* в том, что оно является причиной всех наших бед. Они говорят, что для достижения *ложного принципа* и реализации *утопии* мы растратили все наши силы и все наше благосостояние. Они неправы, или, скорее, лгут. Они хорошо знают, что единство нации, говорящей на одном языке, имеет свои корни в традициях и обычаях, что это не ложный принцип и тем более не утопия. Напротив, это факт, который необходимо *должен* развиваться и осуществляться по мере развития и осуществления свобод, прогресса и местных учреждений. Именно поэтому повстанческие движения в различных регионах Италии вызвали живой интерес на всем Полуострове; поэтому все интеллектуалы и вся буржуазная молодежь Италии в 1848 году выразили солидарность с республиками Рима и Венеции, поэтому Пьемонт с 1848 года привлек и привел за собой конституционную жизнь большей части Италии. Причина объединения, как мы ее понимаем, заключается, таким образом, в том, что свобода и благосостояние неразрывно связаны между собой. И все же неизбежная солидарность между благосостоянием и индивидуальными и местными свободами прочно укрепляет и упрочняет единство нации. Позор тем людям, которые одурачили народ, вернув его в мрак невежества и суеверий прошлого, тем сторонникам принципа «*разделяй и властвуй*». Их принципы и убеждения слишком тесно связаны с ужасными историями итальянских тиранов, чтобы они могли когда-либо надеяться привлечь народ на свою сторону и создать мощную партию. Возвращайтесь же в небытие, сторонники римского папства, Бурбонов Неаполя, герцогов Модены и Тосканы, Кариньяно Пьемонта, вы умерли вместе с династиями, которые вас купили, и больше никогда не воскреснете.

Конституционные унитаристы взаимно обвиняют и порочат друг друга, превращая нашу ситуацию в вопрос административного характера. Они тоже ошибаются или лгут. Совершенно верно, что в то время Италия показала как итальянцам, так и иностранцам печальное зрелище некомпетентности и нечестности своих политиков. Правда, что с невообразимой слепотой и отвратительной порочностью были растрачены все ресурсы, вымогаемые у Нации, что раболепной и рабской политикой было уничтожено достоинство Страны и ее уверенность в себе, наконец, что недобросовестность правителей никоим образом не способствовала прогрессу в образовании народа, а их некомпетентность подорвала торговлю, парализовала зарождающуюся промышленность, привела страну на грань банкротства и разочаровала их собственных сторонников поражениями при Кустоце⁴ и Лиссе⁵. Но верно и то, что вся конституционная партия является соучастницей этих событий. Конечно, результаты выборов принесли успех конституционалистам. Большинство из них щедро сеяли плохие семена, плоды которых мы пожинаем сегодня. Меньшинства, с их жалкой системой оппозиции без реальных целей и, следовательно, без программы и морали, были моральным и материальным дополнением большинства. В течение

⁴ Одно из ключевых сражений между Сардинией и Австрией, произошедшее 25 июля 1848.

⁵ Морское сражение австро-пруско-итальянской войны, произошедшее 20 июля 1866 года между флотами Италии и Австрии близ острова Лисса (или Вис) у южных берегов Хорватии.

шести лет, которые им были предоставлены, лидеры этой партии парламентской оппозиции не смогли договориться ни по одному вопросу, который можно было бы считать серьезным. Напротив, они тщетно вели переговоры, доходя до пародии.

По истечении первых пяти лет избиратели избавились от прежнего большинства. Что сделало новое? Разве не конституционная левая проголосовала за закон Криспи⁶, как прежняя *правая* провозгласила закон Пика⁷? Разве не она была соучастницей поражений при Кустоце и Лиссе, предоставив полные полномочия генералу Ламарморе⁸? Разве не она (заплатив за позор гораздо более высокую цену, чем где-либо платят за честь) была соучастницей и ответственной за последние финансовые меры, нарушающие всякое чувство нравственности и справедливости и одновременно являющиеся постыдным доказательством полного незнания всех принципов публичной экономики?⁹

Вся конституционная партия виновна в серьезных ошибках. Но она не была единственной и исключительной виновницей бедствий, о которых мы сожалеем, потому что они в значительной степени являются логическим следствием *ложности системы и ситуации*, которая неумолимо ведет к определенным последствиям, людям и партиям, и которую ни люди, ни партии не могут преодолеть.

В Италии унитарная конституционная партия была двусмысленной. Состоявшая в основном из так называемых республиканцев, утративших веру в девиз «*Бог и Народ*» своего господина, она объединилась под слабым и обманчивым лозунгом, который она назвала «*политической практикой*». Таким образом, она подчинила все принципы кажущимся потребностям настоящего. Однажды вступив на путь компромиссов и противоречий, она по необходимости стала деморализованной и деморализующей, поочередно предавала и была предана. Таким образом, эта партия начала свою деятельность с позорных и инцестуальных союзов. Она объединила народное голосование и божественное право. С одной стороны, она объявила войну старой Европе, утверждая право народов, с другой – участвовала вместе со старой династией, за величие которой проголосовали, в дипломатических тайных переговорах той же неверующей Европы. Она осталась католической из страха и из выгоды. Революционерка по необходимости и слабости, она оставалась реакционеркой по инстинкту, симпатиям и условностям. Унитаристка по замыслу, она пожертвовала единством в интересах династии; либералка в формулах и словах, она приняла деспотизм как средство самосохранения.

⁶ Сложно сказать, о каком именно законе идет речь. Криспи известен тем, что в 1864 году в палате произносит фразу «монархия нас соединяет, республика нас разъединяет», тем не менее в 1865 году он участвовал в составлении достаточно радикальной левой программы (автономия общин, избирательное право для грамотных, прогрессивных налог, и освобождение от него рабочих, милиция вместо армии, дешевый кредит для крестьян и ремесленников и другое). Возможно, речь идет о законе, подобном закону Пика.

⁷ Закон (Джузеппе) Пика от 1863 года об осадном положении в южных регионах Италии (Меццоджорно) против антиправительственных повстанцев.

⁸ После капитуляции перед Австрией сардинский король Виктор Эммануил II наделил Ламармору большими полномочиями по подавлению повстанцев, чем он и воспользовался, жестоко расправившись с восставшими, воевал против Римской Республики Гарибальди. Участвовал в Крымской Войне против России.

⁹ То есть либеральной политической экономики.

Логическим следствием природы этой партии является действующая до сих пор система, из которой естественным образом вытекают события, о которых мы так сожалеем.

Дни этой партии сегодня сочтены. Возможно, мы еще будем свидетелями кадровых перестановок и административных реформ, но люди станут жертвами своих амбиций и ложности принятой позиции, а административные реформы в лучшем случае смогут на короткое время отсрочить неизбежную и неминуемую катастрофу системы.

Неизбежно и неминуемо, говорим мы, потому что единственное, что может спасти ситуацию, – это смерть партии и учреждения. Разгромленные финансы могут быть восстановлены предусмотрительной администрацией только при полной децентрализации, упразднении постоянной армии и нравственности в учреждениях. Но если устранить централизацию, расформировать армию, отказаться от безнравственности, как и почему конституционная монархия сможет остаться в силе?

Таким образом, конституционализм, который подорвал Италию, бессилен исправить нанесенный им вред. Кто же спасет нас от печального будущего, о котором мы только что говорили?

Мадзини утверждает, что он сам и его система давно устарели. Он и те, кто еще остался с ним, сожалеют об отступничестве членов его собственной партии и прилагают все усилия, чтобы восстановить ее. По всему Полуострову распространяются, читаются и обсуждаются подстрекательские прокламации. Чего же хотят? *«Революцию против Монархии»*. Но что заменит ее? Какова будет программа этой революции, которую требуют, какова будет ее рискованная задача? Мы не находим ответов на эти важные вопросы в тексте, который мы терпеливо прочитали. Поэтому мы вынуждены удовлетвориться другими источниками, и лучший способ сделать это – лично опросить самого прославленного вождя этой партии.

Перед нами три документа, адресованные Мадзини населению Полуострова. Один из них называется *«К рабочим ассоциациям»*, другой – *«Мир»*, а последний – *«Республиканский Альянс»*. В этих трех текстах отражена вся его политическая программа, вся его любовь к Италии, вся его благородная душа, все очарование его мощной речи, но в них также широко освещены все ошибки и противоречия его системы.

Мадзини появился на политической сцене в то время, когда Италия была разделена на семь государств, угнетаемых и ограбляемых семью местными и иностранными деспотами.

Его благородная, пламенная, *неукротимая* душа, его поэтическое сердце, его христианское воображение, его гений, питавшийся источниками былой славы и древнего величия Италии, которая когда-то была королевой мира, образцом цивили-

зации, родиной Брута¹⁰, Камилла¹¹ и Цинцинната¹², Данте¹³ и Буонаротти¹⁴, Вико¹⁵ и Макиавелли¹⁶, были потрясены ужасом при виде жалкого зрелища позора этой Италии, обещанной рабыни жалкого иностранца, который безжалостно бил ее бичом семи тиранов. Тогда он взял на себя огромную задачу вывести ее из смертельного сна, объединить ее жителей от Альп до Адриатики с общей целью освободиться от семи тиранов, поднявшись все во имя *Родины-Матери* и под святой клич «*Бог и Народ*».

Он стремился выполнить эту задачу всеми средствами. С того дня, как он поклялся вернуть Италии ее былое величие, этот человек не знал ни покоя, ни мира. Дрожа от святого гнева, не сдерживая порыва своей безграничной любви к Италии, невозмутимый перед лицом угроз и опасностей, неутомимый в своей гигантской борьбе, он путешествовал по Италии и Европе, проповедуя, подстрекая, замышляя заговоры, разжигая страсти¹⁷... и действительно, мучительная и утомительная латаргия столетий была наконец побеждена. С этого момента авантюрная история, полная тысяч событий, тысяч жертв, тысяч героических поступков и тысяч мучеников, святость жизни, полностью посвященной великому делу, очарование человека, который сделал принцип религией, – все это сделало Мадзини великим и уважаемым. И что бы ни думали, ни говорили, ни писали о нем, он остается самым великим и благородным персонажем современной истории.

Несмотря на это, сегодня легко увидеть, что его слова больше не вызывают такого же восторга, как раньше, что места, оставленные трусливыми и корыстными отступниками из его партии, не были заняты, что его деятельность в Италии слаба, практически нулевая. Эти факты, которые, к сожалению, можно констатировать, являются следствием программы Мадзини – *объединенная Италия, первостепенная держава в Европе, законный наследник и первенец замыслов Бога в инициативе великой миссии, которая станет будущим человечества; Бог и народ, то есть Бог и нравственный закон, исходящий из его единственного и неповторимого суверенитета;*

¹⁰ Древнеримский политик, известен прежде всего убийством императора-узурпатора Юлия Цезаря во имя республиканских свобод.

¹¹ Марк Фурий Камилл (V-IV век до нашей эры) – римский политик и военачальник, известен тем, что смог изгнать галлов из Италии, за что получил прозвище «второго основателя Рима». Камилл привлекал художников классицизма за воинскую доблесть и соблюдение правил войны.

¹² Луций Квинций Цинциннат – консул и диктатор Рима в середине V века до нашей эры. Считался одним из национальных героев раннего периода Римской республики, образцом добродетели и простоты.

¹³ Данте Алигьери (XII-XIII век) – поэт и богослов, один из основоположников литературного итальянского языка.

¹⁴ Имеется в виду Микеланджело Буонаротти – один из крупнейших мастеров эпохи Высокого Возрождения и раннего барокко – именно его считают подлинным «отцом архитектуры римского барокко». Его произведения считались наивысшими достижениями искусства Возрождения уже при жизни самого мастера.

¹⁵ Джамбаттиста Вико (1668-1744) – итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии. Наиболее известной работой является «Основания новой науки об общей природе наций». Вико высоко ценил Карл Маркс за осознание значения классовой борьбы в древнем Риме между патрициями и плебеями.

¹⁶ Итальянский республиканец позднего средневековья, один из теоретиков государственного управления, показавший, что правитель не должен руководствоваться моральными соображениями.

¹⁷ bouleversant

вдохновение гения, единственное и неповторимое добродетельное апостольство этого суверенитета. Став апостолом и даже понтификом веры в Бога и в то же время *государственником*, Мадзини не мог быть по-настоящему революционером из-за этого принципа величия и национальной миссии. Из-за этого же принципа *Народ* в его формуле всегда был просто симпатичным и ярким словом, потому что он всегда хотел *Народа для Италии*, а не *Италию для Народа*. Поэтому деятельность Мадзини всегда была чуждой народным массам, поскольку его программа всегда откладывала и переносила решение социальных проблем на неопределенный срок. Это идеал, говорит он, к которому мы должны найти способ все больше и больше приближаться на протяжении веков. Отсюда проистекала его прискорбная необходимость тесно привязываться ко всем консервативным элементам общества, до такой степени, что он опускался до заключения договоров с Королями Полуострова, отсюда неизбежно следовала неэффективность его республиканской деятельности по созданию великих коллективных произведений, отсюда, наконец, следовала сама деморализация его партии.

Мадзини хотел того, что Монархия частично осуществила и что, по ее утверждениям, она намерена завершить: единство Италии и ее историческое величие. Единственное различие между ними заключается в их публичной форме со всеми вытекающими отсюда последствиями. В своих основополагающих принципах эти две политические формы полностью совпадают, учитывая общую основу, на которой они стоят. Для народа это различие по сути не имеет значения. Возможно, это лишь вопрос названия, поскольку после устранения короля и его замены президентом все остается по-прежнему.

Но свобода и социальная справедливость – это лишь громкие слова из программы Мадзини. Он, черпая вдохновение исключительно в исторических воспоминаниях о былом величии Италии и следуя господствующему духу римского характера, не умеет спуститься на уровень пролетарских масс, которые в своем подавляющем большинстве и составляют народ в его реальности, столь же глубоко жалкой, сколь и возвышенной. Напротив, они рассматривают их как средство для достижения единственной и высшей цели – *единства Италии*, сильно и мощно централизованной, с сохранением ее нынешних составляющих элементов вековых тираний, против которых человечество тщетно борется на протяжении веков, то есть Бога, отрицающего разум, Государство, отрицающее свободу, привилегии нынешней экономической и социальной организации, отрицающие справедливость.

Такова доктрина великого итальянского учителя, программа новой революции, которую он попытается осуществить, но без успеха, поскольку, лишенная реальной цели, Республика Мадзини в иной форме идентична конституционной Монархии, так же как последняя отличается от *чистой Монархии* лишь своей формой.

Если же беды, которые мы оплакиваем, являются следствием системы, если бюрократия, милитаризм, централизация, гарантированная монополия и привилегированные крупные банки являются ядом, который нас убивает, вампирами, которые высасывают из нас кровь, то какая нам польза от Республики Мадзини, которая не противоречит ни одному из этих роковых фактов?

Именно такая форма республики вызывает отвращение у большинства нации. По разным причинам и мотивам он противоречит интересам всех сословий: пре-

тенциозного и умирающего дворянства, крупной и мелкой буржуазии, рабочих и крестьян. Первые потому, что видят в уничтожении короны уничтожение первого звена в цепи привилегий, вторые же потому, что не видят ни их уничтожения, ни серьезной угрозы им. Только и единственно буржуазная молодежь, значительная часть которой была воспитана в духе традиций и истории и черпает вдохновение в классических величиях страны, стремится к восстановлению этой былой славы. Но одной ее силы недостаточно, чтобы разрушить и свергнуть здание веков; тем более, что она утратила, вместе с *гарибальдизмом*, самый легкий способ организовать.

Это движение, которое подарило современной истории столько прекрасных поэтических страниц, сегодня утратило свое значение, и вместе с ним исчезло все то магическое влияние, которое его вождь оказывал в Италии.

Сегодня имя Гарибальди почитается везде, где уважают чистоту сердца и прямоту совести, но оно больше не вызывает трепета по всему полуострову. Он больше не способен, как раньше, поднять на оружие весь народ, не зная ни зачем, ни куда идти.

Гарибальдизм пал и должен был пасть, поскольку, будучи острием доктрины Мадзини, он отделился от него. Не имея собственной идеологии, он переходил от одних к другим, становясь все хуже и хуже. После Мадзини его подхватили Манин¹⁸ и Тривульцио¹⁹, затем он попал в руки Ла Фарина²⁰ и Кавура²¹, которые впоследствии бросили его на произвол монархии, которая искала его, приняла и обняла, как мать, чтобы потом обращаться с ним, как мачеха, вплоть до того, что убила и обесчестила его. Он пал, потому что хотел остаться в аристократической орбите так называемых интеллектуалов, хотя называл себя сыном народа; потому что этот народ, взволнованный трогательным видом икупителя, не увидел грядущего икупления; потому что он сознательно и слабо следовал разрушительной эволюции. От революции он перешел к революционному милитаризму, а затем только лишь к милитаризму. Сегодня, после войны, которую он вел, после мира, который последовал за ней, он выживает как пример мужества. Он навсегда останется апофеозом самоотверженности, прекраснейшим источником патриотических легенд. Но как партия он умер, хуже того, он умер, даже не сражаясь за свою жизнь, не проявив ни минуты сопротивления, ни высказав крика протеста против силы, которая толкала его в могилу.

Более того, Гарибальди, сын народа, сам захотел броситься в эту могилу, уже открытую, чтобы поглотить его; он оскорбил народ в час его борьбы и мученичества,

¹⁸ Глава Рисорджимента на территории восставшей Венецианской Республики, воевал с Австрийцами за объединение Италии. В 1857 году основал вместе с Ла Фарина и Паллавичино-Тривульцио общество пропаганды идеи единства Италии при пьемонтской монархии.

¹⁹ Возможно, имеется ввиду Паллавичино-Тривульцио – деятель Рисорджименто, участник Миланского восстания против Габсбургов. Был «протодиктатором» Неаполя, после того как город был освобожден Гарибальди. В первой половине 1860-х годов стал республиканцем.

²⁰ Участник итальянского рисорджименто, после него эмигрировал во Францию, где из республиканца стал монархистом. В 1860 году приехал на освобожденную Гарибальди Сицилию, чтобы присоединить ее к Сардинии, однако был изгнан Гарибальди, который считал себя республиканцем.

²¹ Камило Бенсо Кавур – премьер-министр Сардинского королевства, сыгравший исключительную роль в объединении Италии под властью сардинского монарха. Либерал-монархист и противник республиканца Гарибальди. Ему принадлежит фраза «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев».

тот самый народ, который он сам назвал героическим, когда вписал в историю великолепные имена Марсала и Калатафими²². В тот момент, когда страна, видя себя так подло оскорбленной и принесенной в жертву, ждала слов Гарибальди, он сказал ей: «научитесь стрелять из винтовки». Но где же свобода, благополучие и величие Италии, которые вы, вождь Тысячи, обещали итальянскому народу, когда предлагали ему свою программу «Италия и Виктор Эммануил»? Разве их можно завоевать, научившись стрелять из винтовки? Нет, ответил вам народ Палермо; он сказал вам: «Генерал, вы обманули нас, мы выиграем революцию, которую вы нам напрасно обещали». И чтобы вы лучше это поняли, он разбил ваш портрет, тот самый, который до разочарования почитался по всей Италии.

²² Названия Сицилийских городов. Именно в Марсале высадился Гарибальди в рамках «экспедиции тысячи» в 1860 году. Седжеста-Калатафими – место, около которого Гарибальди встретился с восками сицилийских Бурбонов, первое сражения в рамках Рисорджименто, здесь Гарибальди произнес фразу «Здесь мы создадим Италию или умрем».

2. Народная Революция и ее враги

Итак, если все эти партии, о которых мы кратко упомянули, не могут ничего сделать, чтобы спасти Родину, которую они так подло разрушают, то кто же принесет нам решение сегодняшних сложных проблем? Какой совершенно новый элемент поможет разрушить то, что было так неумело построено и, к сожалению, все еще прочно стоит?

Существует мощная, непобедимая сила, пока еще бездействующая и неизвестная. Только эта сила может совершить всемогущую революцию будущего, может создать свободную, единую, сильную и великую Италию, еще более величественную, чем Рим и эпоха Христа, потому что она является ответом на учение о свободе, праве, равенстве и счастье!

Эта сила – это *настоящий итальянский народ*.

До сих пор в Италии политические революции осуществлялись военными, буржуазией или интеллектуалами, которые иногда изменяли старые учреждения посредством восстаний или побеждали и уничтожали их представителей героическими экспедициями. Именно этому крошечному меньшинству достаются горькие поражения или радость победы, разочарования или выгоды, мученичество или почести и место в истории.

Подавляющее большинство итальянского народа, миллионы рабочих и крестьян, остались в стороне от всех этих событий. Лишь часть из них иногда служила инструментом буржуазии, сражалась и, как только победа была обеспечена, начинала считаться опасной. Ни одно из их справедливых требований не было удовлетворено, поскольку они противоречили интересам буржуазии. Ее обманули, ужасно разочаровали и предали.

Это большинство, которое для нас представляет исключительно и только *Народ*, не обладает ни одним из прав, предоставленных буржуазии целой серией переворотов: ни политической свободой, потому что ее социальные условия делают ее осуществление иллюзорным, ни равенством перед законом, потому что оно противоречит и уничтожается фактическим неравенством, ни благосостоянием, потому что его труд поглощается капиталом и материей, и именно ему пришлось заплатить за величие и смирение централизованного государства, в котором нуждается буржуазия, наконец, нет ни славы, ни истории, потому что оно с каждым днем все больше погружается в мрак невежества, из которого лживое покровительство привилегированных каст вытаскивает его, чтобы снова обмануть.

Во время и после всех революций народ всегда поступал одинаково: *он страдал и платил*.

Он страдал и платил правительству и правосудию, церкви и полиции, короне и собственникам, городской роскоши, армии и войскам.

Он платил за все, что делал: за то, чтобы ходить туда-сюда, покупать и продавать, пить, есть, дышать, греться на солнце, рождаться и умирать. *Он платил за то, чтобы иметь право работать!!*

Что же могла значить для этого народа парфенонская республика или республики Генуи и Венеции? Почему он должен был интересоваться Римской Республикой 1848 года и крестовым походом против чужаков, войнами 1859 года и так называемыми *плебисцитами* 1860 года?

Зачем 26 миллионам людей оставаться рабами, одураченными, нищими и номинальными гражданами одной из ведущих держав Европы? Возможно ли, чтобы миллионы рабочих и крестьян восстали и сражались на стороне своих врагов, чтобы поддерживать порядок, который лишает их плодов их труда и крови?

Нет. Мы видели это во всех революциях, завтра будет то же самое, и даже хуже, потому что число разочарованных и их горечь возросли.

Эта народная сила, необходимая Италии, непобедимая перед лицом врагов, не будет найдена во имя национального единства и величия. Ее нужно будет призывать во имя идеи, которую она понимает, нужно будет найти мощный рычаг, способный ее поднять. Этим рычагом является справедливость, которая для народа *означает подлинное, полное и положительное интеллектуальное, моральное, политическое, экономическое и социальное освобождение. Этим рычагом является завоевание свободы и благосостояния каждого и всех в общине, провинции и всей нации.*

Только тогда народ поведет свою первую и последнюю борьбу. Он победит силой числа, силой самоотверженности, накоплением ненависти и справедливым жаром мести. Он победит, потому что на одной стороне его знамени будет написано «труд», то есть двигатель человечества, а на другой – «хлеб и воля», то есть основные потребности и неотъемлемые права каждого человека!

Если же вся Италия может быть свободной, счастливой и великой только благодаря Революции, если эта революция может быть осуществлена только народом, и если этот народ делает революцию только для своего собственного освобождения, то давайте оставим в стороне двусмысленности и честно скажем, в чем она заключается.

Существует три вековых тирании, которые угнетали и одурачивали народ, три врага, которых он должен победить, чтобы встать на многообещающий путь будущего. Это: *Церковь, централизованное Государство и его неизбежные составляющие, а также социальные привилегии.*

Церковь представляет для народа тиранию сознания, школу и проповедь политического и социального рабства, воровство и мошенничество в труде и принудительное невежество рабочего и крестьянского классов. Церковь – это правая рука, бдительный глаз, а зачастую и разум Монархии и Государства. Она должна пасть, унесенная вихрем народного гнева. Тогда все религии и культы будут свободны и будут свободно поддерживаться верующими. Тогда *Государственная религия*, ужасное нарушение коллективной и индивидуальной свободы, будет упразднена, имущество всех религиозных организаций, учреждений и общин будет конфисковано и распределено между общинами и провинциями, поскольку оно является плодом лжи, мошенничества и вымогательства. Тогда священник или монах станет честным человеком и гражданином, поскольку он восстановит свои гражданские и политические права и будет их сохранять. Будучи *индивидуально свободным верить*, проповедовать и

отправлять обряды по-своему, он больше никогда не будет членом касты, поскольку Общество не будет признавать юридического существования никакой Церкви или другого религиозного органа, которые, следовательно, не будут иметь права владеть имуществом, воспитывать детей и вести вневременную¹ жизнь.

Централизованное государство и его необходимые составляющие привели Италию периода Рисорджименто к тому плачевному состоянию, в котором она находится сейчас. Оно централизует и жестоко угнетает всю жизнь местных сообществ, распространяя на них из своего центра безнравственность и скрытый деспотизм, которые составляют его силу. Чтобы разрушить это вековое учреждение, необходимо прежде всего уничтожить компоненты, которые неизбежно его составляют. Это монархия, милитаризм и бюрократия.

1. Монархия, это гибридное учреждение, рожденное грубой силой, запятнанное кровью и насилием, было связано с божественным правом через католицизм. Сегодня она ложно обновляется в тени всеобщего избирательного права... Она была и всегда будет отрицанием свободы и человеческого достоинства, в какой бы форме она ни существовала, и будет первым звеном в рабской цепи господ и рабов. Она веками жила за счет труда народа, попирала его, распоряжалась его жизнью, честью и женщинами. Хватит!

Эта подлость даже не имеет логического основания для существования, поскольку она больше не претендует на то, чтобы быть представителем на земле и голосом всемогущего Бога, по милости которого она существовала. Чтобы продлить свое существование, она сегодня должна была изменить свое происхождение и форму. Раньше это был Бог, который помазывал и посылал короля угнетать, убивать, грабить и насиловать народ. Сегодня же народ сам вызывает и избирает его. Раньше она обладала правом силы, сегодня же это сила лицемерия и безнравственности.

Среди нелепых формул, придуманных для спасения этой старой гангрены от всякой опасности, есть и конституционная форма. При такой форме правления король, окруженный министрами, которых он считает наиболее компетентными (и которых он всегда находит), назначает и увольняет всех чиновников, командует армией и войсками и платит им, распускает Парламент и национальную гвардию, отменяет Уставы, собирает и расходует налоги, милует и приговаривает к смерти, и при этом не несет никакой ответственности. Для короля закон долга не имеет силы.

Зачем же существуют эти паразиты, если у них нет обязанностей? Зачем столько прав и привилегий? Зачем столько богатств, накопленных за счет труда и пота народа?

Свергни же этих коронованных вампиров одним только вздохом своего крика, о народ! Беги из своих гнилых лачуг в просторные золотые залы их великолепных дворцов, отдыхай в тени их садов, пей воду из их фонтанов. Все это принадлежит тебе, потому что это пот твоего лица, труд твоих рук, которые они у тебя украли.

2. Милитаризм. Это организация грубой силы, это насильственная безнравственность, осуществляемая с помощью законов и очень строгой дисциплины, части нации, оторванной от труда и культуры и превращенной в слепой и механический инструмент монархии, которая одна нуждается в ней и не может существовать без

¹ hors du temps

нее. Солдат перестает быть гражданином, как только перестает работать с пользой для себя, чтобы жить за счет Нации, которая *платит ему через короля*. У него нет собственного мнения, нет свободы слова или действий. Слепое повиновение приказам своего начальника или смерть: такова альтернатива, которая ему предлагается. Не существует никакого позора, каким бы великим он ни был, которому он мог бы не подчиниться, потому что он навязывается солдату капралом и так далее вплоть до короля, который навязывает его генералу. Зачем же были нужны столетия учебы, несчастий, рабства, если человеческое достоинство все еще так унижено?

И это еще не все. Милитаризм – это не только оскорбление человеческого достоинства, нарушение индивидуальной свободы и уничтожение коллективной свободы, это еще и гибель Нации, которая таким образом должна платить за свое несчастье, свое унижение, свое рабство. Цивилизация, честь и, более того, свобода и счастье Италии не допускают существования подобной организации. После революции она больше не сможет существовать.

Тогда каждый солдат будет гражданином, а каждый гражданин – солдатом в своей общине и провинции. Тогда земли не будут оставаться без посевов, нация не будет больше обречена на нищету из-за принудительной уплаты баснословных сумм; сотни тысяч людей наконец поймут, за что и за кого они сражаются, и, черт возьми, мы больше не будем видеть бесчисленных смертей, жертв амбициозных замыслов одного или нескольких человек, потому что единственная война будущего будет вестись за защиту дела и свободы каждого и всех.

3. *Бюрократия* – это сила, объединяющая интересы за счет Нации; это каста, необходимая для выживания Монархии, поскольку именно она создала ее и оплачивает из денег народа. Чтобы оправдать существование этого отродья, которая прославляет князей, подчиняется правительствам, попирает народ, были придуманы и скомбинированы тысячи уловок и махинаций, функций и служб, конечным результатом которых являются баснословные суммы в балансах, преобладающее число голосов при голосовании, часть нации, солидарно приверженная монархии и правительствам, чтобы нынешний порядок вещей сохранялся и укреплялся. Централизм необходим для существования и процветания бюрократии, поскольку без него исчезает сама причина ее существования, а значит, и ее естественная простота, ведь если администрация вернет себе общинную и провинциальную автономию, то больше не будет нужды в высоких зарплатах, чтобы платить бездельным и бесполезным бюрократам.

Если устранить три вышеупомянутых компонента, то одновременно исчезнет и смысл существования *централизованного* государства. Оно является плодом и инструментом тирании. С революцией оно перестанет существовать, потому что невозможно, чтобы народ хотел отказаться от благополучия, чтобы принять нищету, погрязнуть в чувстве нравственности, чтобы любой ценой погрузиться в безнравственность, добровольно отказаться от свободы, чтобы подвергнуться позорному рабству. Ибо все это является следствием централизма и насильственной унитарной концепции монархии.

Мы говорим «насильственной», потому что монархия исказила практический смысл термина «*единство*», который вместо того, чтобы быть, как должно, *свободным объединением свободных общин в провинциях и этих провинций в Нацию*, в рамках

монархии является простым завоеванием, завуалированным *спонтанными* аннексиями. Но вместо того, чтобы хотя бы один раз, суверенно, распорядиться своей судьбой, Италия подвергалась законам, вымогательствам и презрению к населению, которое пользовалось преимуществами насильственно навязанного сверху вниз единства в форме завоевания.

После свержения монархии, уничтожения милитаризма и ликвидации бюрократии под воздействием непреодолимой необходимости самостоятельно произойдет полная децентрализация, и наша Италия будет реорганизована снизу вверх, а единство будет основываться не на насилии, а на свободе.

Общественные привилегии. Под этим термином мы понимаем несправедливость общества по отношению к рабочему и крестьянскому классу, диспропорцию между трудом и заработной платой и рабство труда. Пролетариат – одна из кровавых ран нашей эпохи, хотя он и составляет большинство граждан. Вместо того чтобы быть партнерами собственника и капиталиста, рабочие и крестьяне, без труда которых материальные ресурсы и капитал не имели бы никакой ценности, сегодня являются их рабами и почти всегда их жертвами.

Такое положение дел не может продолжаться дольше: большинство на стороне жертв, поэтому мы отвергаем ужасные потрясения, в ходе которых, в разгар народной мести, не будут уважаться *ни люди, ни вещи*. Давайте сегодня через правосудие предоставим то, что рабочий народ мог бы завтра сознательно потребовать силой, то есть *освободим труд от капитала и материи*.

Без труда материя безжизненна и непродуктивна, без труда кучи золота не производят золота. Таким образом, ни капитал, ни материя не создают то, что существует в человечестве: это делает труд. Справедливость, потому что мы хотим свободы для всех, но давайте громко провозгласим: *равенство*. Поэтому *мы хотим, чтобы основой общества был труд, чтобы никто не имел права жить за счет труда других и чтобы праздность больше не могла становиться ироничным оскорблением труда*, сопровождающимся незаслуженным наслаждением благами, радостями и всем благополучием жизни.

Нет нужды развивать эти идеи: они просты и очевидны, каждый честный человек должен их осознавать. Нет нужды ничего добавлять для тех, кто их не понимает: они никогда их не поймут.

И теперь, когда мы подошли к концу этой речи, закрепим нашу программу следующим заявлением:

Мы верим только в революцию, осуществленную народом для своего положительного и полного освобождения, революцию, которая сформирует свободную республиканскую Италию, состоящую из свободных коммун в свободной нации, свободно объединенных между собой.

Мы вернемся к этой теме².

Октябрь 1866.

² Следующим произведением Бакунина будет «Essence de la religion» (Сущность религии), однако, она будет опубликована лишь через год, в декабре 1867 года.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Альберто Туччи, Михаил Бакунин
Ситуация в Италии (Партии Прошлого и Народная Революция)
октябрь 1866

IISG

ru.anarchistlibraries.net